

И. В. Неупокоев

ШКОЛЫ ПРИ СЕЛЬСКИХ ЦЕРКВЯХ И МОНАСТЫРЯХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРИОД С 1836 ПО 1884 ГГ.

УДК 37.014.521

ББК 74.200.25

В статье раскрывается специфика первой массовой формы начального образования сельского населения Тобольской епархии — школ при церквях и монастырях. Информационной основой статьи являются ранее неиспользованные документы Государственного архива Курганской области.

Ключевые слова: история образования, епархиальный архиерей, благочинный, священник, причт, штатный смотритель уездных училищ, церковное училище.

I. V. Neupokoev

SCHOOL AT RURAL CHURCHES AND MONASTERIES TOBOLSK DIOCESES FROM 1836 TO 1884.

Based on previously unused documents the State Archives of Kurgan region, this article reveals the specifics of the first mass forms of basic education of the rural population of Tobolsk diocese - schools at churches and monasteries.

Key words: history of education, the diocesan bishop, dean, priest, clergy, staff superintendent of county schools, church school.

В 1836 г. император Николай I приказал применить «Правила первоначального обучения поселянских детей в Олонецкой епархии» во всех губерниях, где есть раскольники. Это означало распространение «Правил» в том числе и на Тобольскую епархию. Обязанность обучения детей была возложена на приходское духовенство.

«Смотря по способности по надежности» епархиальный архиерей должен был назначить учителей из числа священников, диаконов или причетников. Они, в свою очередь, обязывались располагать к учению родителей и их детей, принимать всех желающих на безвозмездной основе. Обучение производить

надлежало «домашним образом» в период от окончания осенних и до окончания весенних полевых работ, т. е. примерно с 1 сентября до 1 мая: «В досужное время от хозяйственных работ, т. е. осенью, зимою и весною, покуда работ для детей нет» (ГАКО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 20. Л. 575) [1]. Учебные книги: Азбуку, Часослов, Псалтырь предполагалось приобрести на счет церковных кошельковых сумм. Контроль обучения возлагался на благочинных, которые должны осматривать церкви один раз в полугодие. Благочинный обязывался осуществлять аттестацию учеников в присутствии местного священника и «сельского поселянского начальства» (ГАКО. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 19. Л. 577-578) [1]. Пункт 5 «Правил» посвящался содержанию обучения: «Чтение церковной и гражданской печати, а желающих и письму», «начало арифметики», знание молитв, знакомство с Катехизисом и сказаниями из Священной истории. Для ознакомления с новыми «Правилами» в 1837 г. «надлежало разослать секретные указы во все епархии, где есть раскольники и велеть отобрать от священноцерковнослужителей, желающих принять на себя обязанность обучения детей безмездно, письменные показания» (ГАКО. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 20-об.) [1]. Далее, с 1849 г., дополнительно появились «Правила учащихся детей малолетних при церквях», в которых содержание образования церковных школ было более детализировано: «Главнейшая цель тех училищ религиозно-нравственное воспитание,

чтобы умели читать в церкви и петь, молиться на книгах, знать догматы христианские...» (ГАКО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 25. Л. 238) [1].

Сбор информации для епархиального архиерея о церковных школах, количестве учеников и их успехах возлагался на благочинных. Для этого в 1839 г. приходские священники получили образец отчетной ведомости об училищах при церквях Тобольской епархии. Она включала пункты: время открытия училища, число наставников, число учеников мужского и женского пола (ГАКО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 11. Л. 7 — 7-об.) [1]. На основе этих ведомостей и своих посещений церквей благочинные составляли рапорта для Тобольской Духовной Консistorии (далее — ТДК). Именно такие рапорты и ведомости являются первейшим и достоверным источником по истории церковных училищ. Так, Курганский благочинный священник Я. Зудилев в январском 1842 г. рапорте на имя архиепископа Тобольского и Сибирского отчитался о состоянии открытых церковных училищ: при Утятской Богоявленской церкви наставниками состоят дьяк А. Серебряников и пономарь В. Буров; после испытания «оказалось учеников с очень хорошими успехами 3, хорошими 4, посредственными и слабыми 3». При Белозерской церкви наставниками состоят священник В. Адрианов и дьяк В. Медунов. Четыре ученика по итогам испытания «имеют способности довольно хорошие и учатся с хорошим успехом». Благочинный священник И. Пырьев

в своем рапорте этого же времени сообщил, что при Барабинском церковном училище наставниками состоят дьяк Н. Попов и пономарь Я. Трапезников. Знания 7 учеников были оценены как «хорошие», «очень хорошие» и «порядочные». При Чернавской церкви были испытаны 6 учеников, а наставниками состоят дьяк В. Торопов и пономарь Кораблев. В июле 1842 г. благочинный священник Я. Слопцов рапортовал, что «с особенным старанием обучением детей занимаются «село-Каменской Покровской Церкви Диакон Алексей Дергачев, с Дьячком Александром Карповым и Мальковского села Спаской Церкви Пономарь Максим Баженов» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 280. Л. 28) [1].

Данные об училищах при монастырях поступали от их настоятелей. Так, настоятель Тобольского Знаменского монастыря архимандрит Венедикт в апрельском рапорте 1847 г. сообщил, что в училище обучается тримальчика, преподаванием по очереди занимается кто-нибудь из иеромонахов, священников, дьяконов или послушников. Наставники занимаются бесплатно по причине «бедности монастырских доходов» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 281. Л. 5 — 5-об.) [1]. Из майского 1847 г. рапорта настоятеля Тюменского Троицкого монастыря архимандрита Владимира следовало, что в училище обучается 9 мальчиков: 5-х обучает послушник М. Колмаков, остальных 4-х — другой послушник А. Соколов. При этом они получают «малозначительную добровольную

плату» от родителей (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 281. Л. 21) [1].

Сведениями о числе церковных училищ Тобольская Духовная Консисто́рия должна была проинформировать Директора училищ Тобольской губернии (ГАКО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 11. Л. 105-об.) [1]. Из одной из таких информационных ведомостей становится известно, что к 1842 г. в Тобольской епархии при монастырях имелось 4 училища и 32 ученика, при приходских церквях — 99 училищ и 440 учеников, а всего — 103 училища и 472 ученика (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 280. Л. 3.) [1]. С 1861 г., а позднее с января 1872 г. Директор училищ Тобольской губернии просил ТДК доставлять ему сведения о церковных школах по новой форме ведомости, образец которой был разослан по епархии (ГАКО. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 4. Л. 447) [1].

Кроме контроля со стороны благочинных, с 1847 г. допуск к осмотру училищ при церквях и монастырях получили штатные смотрители уездных училищ (ГАКО. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 31. Л. 362) [1]. Однако реально приступить к этому удалось далеко не сразу. В одном случае, миссионер березовского края игумен Арсений просто не допустил смотрителя училищ Абрамова к проверке остоящих училищ. В другом случае, когда смотритель Курганского округа 22 мая 1848 г. прибыл в с. Кривинское ревизовать церковное училище, то учеников не обнаружил по причине их роспуска на полевые работы. Смотритель Тюменского округа в с. Зырянском также

училища не обнаружил. Епархиальное начальство рекомендовало штатным смотрителям на будущее производить осмотр церковных училищ в ноябре или декабре (ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 5. Л. 63 — 63-об.) [1]. А чтобы сам визит смотрителя не стал неожиданным, церковные школы стали об этом извещать заранее. Так, например, благочинный священник Н. Наумов в октябре 1848 г. рекомендовал причту с. Чинеевского: «...вызвать учеников поселянских детей в училище при церкви, так как Г. смотритель курганских уездных училищ в 1-х числах ноября обещался прибыть для испытания учеников» (ГАКО. Ф. И-112. Оп. 1. Д. 20. Л. 176-об — 177) [1].

Штатные смотрители результаты своей проверки фиксировали в особом журнале обозрения, в котором были отражены следующие показатели: место расположения училища, время открытия, число учеников, наличие учебных пособий, имена преподавателей, итоги испытаний и замечания (ГАКО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 17. Л. 130) [1]. Таким образом, кроме отчетов благочинных, журналы обозрения штатных смотрителей также выступают ценным источником по истории церковных школ. В результате своих ревизий церковных училищ штатные смотрители выявляли факты несоответствия между информацией со стороны духовенства и реальностью. Так, в марте 1850 г. благочинный протоирей Г. Головин указал, что члены причта с. Чимеево сообщили ему о 10 обучающихся в церковном училище. Однако смотритель Кур-

ганского округа ни одного ученика не обнаружил (ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 5. Л. 14) [1].

Сам же процесс открытия школ при церквях и монастырях в Tobольской епархии растянулся на длительный исторический период. Архивные документы подтверждают, что, начиная с конца 30-х и вплоть до 70-х гг. XIX в., все управленческие институты Tobольской епархии через соответствующие властные предписания требовали от местных причт практической реализации «Правил» 1836 года. Например, в сентябре 1839 г. благочинный священник Решиков указал на обязанность всех священников «решительно начать учение детей поселянских сперва в домах своих», а уж потом «требовать дом или квартиру от прихожан училищ» (ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 5. Л. 425) [1]. В 1840 г. ТДК указала «поставить в обязанность всем дьяконам и причетникам курганского округа, чтобы они непременно и неупустительно обучали поселянских детей по очереди под надзором местных священников» (ГАКО. Ф. И-32. Оп. 1. Д. 45. Л. 79) [1]. Из февральского 1841 г. предписания благочинного священника В. Букова причту с. Марайское следовало «расположить прихожан, чтобы они согласились отдавать своих детей для обучения и такое собрание учеников стараться всеми законными мерами умножить; и распространять первоначальное обучение детей при всех церквях» (ГАКО. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 19. Л. 360) [1]. В предписании 1844 г. благочинный священник

В. Решиков требовал от Салтосарайского причта: «Чтобы пастырским своим убеждением старались внушить родителям поселянских детей о пользе учения их» (ГАКО. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 204) [1]. В 1846 г. ТДК требовала от благочинного священника В. Букова внушить членам причта «что они ласково приохачивали прихожанских детей учиться — и учили бы способнейших при церкви в трапезах или в своих домах вместе со своими детьми» (ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 5. Л. 272 — 272-об.) [1]. В 1848 г. благочинный священник В. Решиков предписал своему причту, «чтобы при каждой церкви по домам причта по крайней мере по три мальчика учились; надобно приласкать, приохотить детей, пообъяснить родителям, что чтением и пением Бог прославляется» (ГАКО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 11. Л. 634) [1].

Подобная ситуация характерна и для 50-х гг. XIX в. Так, в августе 1850 г. Курганское ДП сделало причтам через благочинного священника М. Иваницкого наставление, «чтобы они своих и соседних детей учили грамотности церковной» (ГАКО. Ф. И-31. Д. 16. Л. 36 36-об.) [1]. Или в сентябре 1852 г. благочинный священник Н. Розанов потребовал от причта села Шмаково: «Так как в настоящее время полевые работы крестьян окончены, то предписывается Вам собрать поселянских детей для обучения грамоте, Закону Божию и чистописанию, и немедленно доложить мне, где сколько собрано для обучения мальчиков и девочек, в училищах ли помещаются, или частных домах»

(ГАКО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 1. Л. 143 — 143-об.) [1]. В октябре 1858 г. ТДК указала благочинному священнику П. Серебрянникову, что «если со стороны прихожан не встречается препятствий, то из существующей в с. Боровлянском часовни устроить училище со сторожкой для обучения поселянских детей» (ГАКО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 21. Л. 358-об.) [1].

Примерами побуждений к открытию школ в 60-е гг. служат следующие факты: в 1862 г. последовало предписание благочинного причту с. Сычево Дмитриевской церкви: «Немедленно собрать крестьянских мальчиков и девочек для обучения грамоте и потом представить ведомости... имея в виду, что архиепископ имеет честь прибыть в курганский округ для обозрения церквей и училищ» (ГАКО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 18. Л. 451) [1]. В июне 1863 г. Курганское ДП на основании указа ТДК предписала благочинному священнику И. Пырьеву: «1). Чтобы как благочинные так и причты вообще употребили все возможные меры к открытию сельских училищ повсеместно. 2). Чтобы тщательнее озаботились о приобретении оных учеников вообще в особенности женского пола склоняя к тому родителей из своих прихожан благоразумными внушениями объясняли им о пользе и выгоде грамотности» (ГАКО. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 42. Л. 47 — 47-об.) [1]. В сентябрьском 1864 г. послании благочинного причту с. Шмаково содержалось повеление: «К 1 октября месяца собрать крестьянских

мальчиков и девочек для обучения грамоте, а в 1-й половине октября представить ведомости об училищах... (ГАКО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 309) [1]. В 1868 г. ТДК постановила «вновь предписать всем благочинным мерами вразумления и убеждения располагать подведомые им причты к открытию училищ при приходских церквях для обучения в них грамоте на основании данных св. Синодом в 1836 г. правил» (ГАКО. Ф. И-32. Оп. 1. Д. 81. Л. 411) [1].

Аналогичные требования характерны и для 70-х гг. Например, в апреле 1871 г. на имя благочинного священника К. Рычкова последовало предписание из ТДК «дать строгое подтверждение об открытии в Мокроусово собственно церковного училища, в здании для того выстроенном, да и во всех тех селах где три или два причта» (ГАКО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 1. Л. 140) [1].

В этой бесконечной череде властных принуждений можно проследить угрозы применить разнообразные негативные санкции за отсутствие церковных школ. В требовании благочинного священника Головина от 1851 г. значилась такая санкция, как «денежная пеня по 5 руб. серебром в каждом полугодии» (ГАКО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 17. Л. 408) [1]. В октябре 1861 г. благочинный священник Розанов грозил, что «за непредоставление сведений об училищах в половине каждого года будут на первый раз штрафованы, потом дождутся, что-нибудь и горшего, не хорошо будет и тем, у кого вовсе не будет, или мало

будет учеников и учениц» (ГАКО. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 19. Л. 311) [1]. В июне 1863 г. ТДК особо предупредила благочинных и причты, что если они не будут выполнять циркуляры об открытии училищ, то, «несмотря ни на какие причины и объяснения, будут подвергнуты должному взысканию» (ГАКО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 29. Л. 378-об.) [1]. В ноябре 1867 г. ТДК вновь предупредила благочинных, что если они и далее сведения о церковных училищах будут предоставлять несвоевременно, «то Консистория вынуждена будет принять в отношении неисправных строгие меры, так как дело об училищах есть дело особенной важности и сведения о состоянии приходских школ Св. Синода должны представлять на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение дважды в год» (ГАКО. Ф. И-80. Оп. 1. Д. 5. Л. 89) [1].

Как уже было сказано, священники и другие члены причта обязывались заниматься обучением бесплатно. Об этом епархиальное начальство делало постоянные напоминания. Так, благочинный священник В. Буров в октябрьском 1843 г. письме причтам с. Лебяжье и с. Моревское особо отметил, что за обучение в церковных школах духовенство «не требовало никакой платы» (ГАКО. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 1. Л. 117) [1]. В качестве же главного мотива в деле открытия церковной школы выступали благословение и признательность от Св. Синода, епархиального архиерея, благочинного. Кроме того, существовали и другие варианты формальных и неформальных позитивных санкций. В

1843 г. благочинный священник В. Решиков на основании указа из ТДК сообщил членам причта, что «... кои будут иметь в училищах своих свыше 25-ти учеников будут представляемы к награде» (ГАКО. Ф. И-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 145) [1]. Из ведомости за 1852 г. благочинного священника Н. Розанова следовало, что в училище при Черемуховской Петропавловской церкви дьячки Е. Костылев и С. Петухов получают «вознаграждение от родителей учащих на свое пропитание», а в училище при Михайло-Архангельской церкви с. Шмаково дьячек С. Ионин обучает «с небольшими пожертвованиями родителей» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 282. Л. 127 127-об.) [1]. В 1857 г. ТДК сделала допущение, что наградой за обучение может служить «посильная благодарность родителей, а со стороны начальства лучшее место и даже повышение сана» (ГАКО. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 19. Л. 114) [1]. В 1862 г. священник Перов получил грамоту от Св. Синода «за пожертвование собственного дома для помещения сельского училища», «за особенно ревностное и успешное обучение крестьянских детей» (ГАКО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 201 201-об.) [1]. В 1868 г. ТДК объявила духовенству епархии, что «священноцерковнослужители за учреждение училищ на 20 человек и содержание оного в течение 7 лет имеют право на награду орденом Св. Анны 3 степени» (ГАКО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 587-об 588-об.) [1].

Местом для церковных училищ служили церковные трапезные или

сторожки, а также дома членов причта. Например, в июле 1842 г. благочинный священник Я. Слопцов рапортовал, что обучение «по неимению особых на то домов и тесноте церковных сторожек, производится в домах причтов, кроме селений Каменского и Мальковского, где поселянские дети обучаются в удобопоместительных при церквях сторожках» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 280. Л. 25) [1]. В этом же 1842 г. благочинный священник А. Пудовкин в своем рапорте указал, что духовные лица «сами по бедности не имеют домов, так что нет удобного места для обучения, а церковной сторожки нет» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 278. Л. 28-об.) [1]. В декабре 1846 г. Курганское ДП сделало предписание благочинному священнику И. Пырьеву об организации обучения «в церковных трапезах, или папертях, или сторожках, или по своим домам» (ГАКО. Ф. И-112. Оп. 1. Д. 16. Л. 271) [1]. ТДК в октябре 1850 г. сделала следующие предписание: «Чтобы поселянские дети на первый раз обучались при церквях в трапезах или папертях и в сторожках и у церковнослужителей». И лишь после увеличения числа учеников епархиальный архиерей обещал обратиться с ходатайством к гражданскому начальству о строительстве отдельных зданий (ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 16. Л. 63) [1]. Благочинный священник Н. Розанов в майском 1851 г. предписании причту с. Чинеево указал, что на основании указа Курганского ДП: «Дом, занимаемый дьяческой дочерью Слопцовой, принадлежащий

к вашей церкви, немедленно очистить для занятия оного учениками» (ГАКО. Ф. И-112. Оп. 1. Д. 24. Л. 180) [1].

Предпринимались и отдельные попытки строить для училищ специальные здания. Так, в декабре 1846 г. из Курганского ДП в адрес священника И. Пырьева последовало следующее указание: «Где есть старые ветхие и безобразные церковные здания были оные разобраны, и лес употреблен на отопливание церкви, а где возможно то построить из него избы для помещения церковных училищ» (ГАКО. Ф. И-95. Оп. 1. Д. 3. Л. 38) [1]. Из отношения 1850 г. причта с. Сычево в адрес волостного правления следовала просьба «учредить училищную избу» (ГАКО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 3. Л. 541) [1]. В требовании 1852 г. причту с. Чинеево от благочинного священника Розанова говорилось, что «если где нет удобного помещения для учащихся, требовать содействия Волостных Правлений к побуждению прихожан устроить училища, или отвести особые квартиры» (ГАКО. Ф. И-112. Оп. 1. Д. 24. Л. 281) [1]. В сентябре 1862 г. прихожане Троицкой церкви с. Чашинского на сельском сходе составили приговор, в котором «изъявили желание построить новое училище, для помещения учащихся смежно с церковной сторожкой» (ГАКО. Ф. И-155. Оп. 1. Д. 42. Л. 232) [1].

При открытии училищ духовенство епархии столкнулось с массой объективных и субъективных проблем. К числу наиболее существенных следует отнести отказы крестьян

отдавать своих детей в церковные училища. Из июльского 1842 г. рапорта благочинного священника Я. Слопцова следовало, что «в Антроповском селе родители обучавшихся в прошедших годах детей своих, по причине дальнего расстояния от церкви, от местных священно-церковнослужителей в феврале месяце отобрали» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 280. Л. 28) [1]. Другой благочинный священник В. Рещиков указал, что дети не обучаются «по невнимательности и упорству родителей» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 280. Л. 34) [1]. Свои отказы крестьяне, по сведениям благочинного священника П. Тюшева, объясняют «надобностью в детях для своих крестьянских занятий, а живущие по деревням, вне сел отказываются от обучения детей затруднениями в доставке им пропитания в оные села, места обучения их и найме для них квартирных содержателей» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 280. Л. 276) [1]. В сентябрьском 1846 г. рапорте благочинный протоиерей Н. Брызгалов сообщил о неявке учеников в училища при Туринской и Куминовской церкви из-за того, что их родители «детей своих более обучать несогласны кои нужны для работ по крестьянскому быту» (ГАКО. Ф. И-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 188) [1]. Причт Николаевской церкви с. Бутаково в майском 1847 г. на имя архиепископа рапорте отказы крестьян объяснил тем, что «дети их нужны им для исправления домашних работ, а живущие в окрестных селениях, что не имеют состояния детям своим проживающим в других местах для обучения» (ГАКО.

Ф. И-235. Оп. 1. Д. 281. Л. 20) [1]. В 1847 г. училище при церкви села Рыбинского полностью лишилось учеников, так как «отцы отбирали детей своих по своему произволу когда и как вздумалось» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 281. Л. 84-об.) [1]. Благочинный с. Падеринского сообщил в 1850 г. в ТДК, что причиной малого количества учащихся является «не нерадение причта к учению прихожанских детей, а сами прихожане, которые не представляют детей в училища, некоторые из них по бедности своей не имеют возможности содержать своих детей при училищах...» (ГАКО. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 11. Л. 481) [1].

Другой значительной проблемой следует считать такой субъективный фактор, как неготовность и нежелание самих членов причта принимать участие в этом процессе. Так, из декабрьского 1840 г. рапорта благочинного священника Я. Зудилова следовало, что крестьяне жалуются на причт Романовской церкви, который отказывается от обучения детей грамоте «под разными предложениями» (ГАКО. Ф. И-32. Оп. 1. Д. 45. Л. 79) [1]. Однако следует отметить, что такое поведение не было повсеместным. Так, священник В. Арзамасов сам изъявил желание «принять на себя обязанность обучать крестьянских детей в училище при село Чашинской Троицкой церкви», о чем он и сообщил в сентябрьском 1862 г. рапорте на имя благочинного священника В. Адрианова (ГАКО. Ф. И-155. Оп. 1. Д. 42. Л. 233) [1].

Возможно, по этой причине

были предприняты некоторые попытки привлечь к выполнению образовательной функции лиц не духовного звания. В резолюции ТДК 1849 г. говорилось, что дети деревень, где нет церкви, «могут учиться у тамошних грамотных стариков, или женщин и девиц умеющих читать, а священнику испытывать их чему научились, и наставлять как учить и учиться» (ГАКО. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 11. Л. 481) [1]. Чтобы в церковных школах приступить к обучению девочек, в августе 1860 г. ТДК сделала запрос благочинным: «Можно ли надеяться найти в каждом приходе достойную женщину преимущественно Духовного звания, которая бы согласна была за весьма умеренную плату, или даже безвозмездно, принять на себя звание наставницы попечительницы в приходской школе» (ГАКО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 7. Л. 46) [1]. Благочинные, в свою очередь, адресовали подобные запросы своим причтам (ГАКО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 18. Л. 118) [1]. Но эти попытки вовсе не означали полного снятия со священников или ослабления их образовательных функций. Так, например, в 1855 г. ТДК сделала замечание священнику церкви д. Цучье за то, что «обучением детей занимается не он, а крестьянин Козинцев» (ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 16. Л. 308) [1].

К числу еще одной из проблемных сторон генезиса церковных училищ следует отнести параллельное развитие другой системы начальных сельских училищ, которые находились в подчинении Министерства государственных имуществ (далее —

МГИ). В 1842 г. появился указ императора Николая I «Об устройстве сельских приходских училищ в селениях казенных крестьян». Процесс обучения также возлагался, по избранию местных архиереев, на а) местных священников, б) на дьяконов и причетников (под наблюдением священника), в) на уволенных и еще не получивших места при церк-ви учеников семинарий (также под наблюдением священника) [1. С. 701]. Через год, в 1843 г. появилось «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян», в котором оговаривалось, что «наставники пользуются жалованьем» (ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 287. Л. 102-об) [1]. Именно в этом положении, на наш взгляд, просматривается важное различие между этими двумя типами начальных школ: при церк-вах и монастырях священники обязаны обучать безвозмездно, а в училищах МГИ — за жалованье. Осознавая это различие, ТДК в январе 1857 г. сделала предписание о том, «чтобы священноцерковнослужители всех приходов, невзирая на то, что некоторые сельские училища поставлены от Гражданского начальства на жалованье, всеи мерами занимались безмездно обучением поселянских детей, и чем кто свободнее тем усерднее должен заниматься таковым обучением детей» (ГАКО. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 19. Л. 114) [1].

Таким образом, школы при церк-вах и монастырях, создаваемые на основе «Правил» 1836 г.,

явились первой массовой формой начального образования сельского населения в Tobольской епархии. Попытки определить значение и место церковных школ в указанный период были предприняты как их современниками (Н. А. Абрамов, Н. И. Палопеженцев), так и более поздними исследователями. Послереволюционный историк-сибиревед Н. С. Юрцовский довольно критически оценивал их влияние, а роль духовенства считал несамостоятельной и всецело подчиненной интересам государства. «Определенный вклад в распространение грамотности среди крестьян-сибиряков» признала за церковными школами исследовательница М. П. Малышева. И, наконец, в работе Н. А. Миненко также не отрицается положительная заслуга церковных школ в деле народной грамотности [2. С. 98—102]. Существенной чертой этого типа школ являлась их неустойчивость и непостоянство из-за финансовой необеспеченности со стороны государства и существования за счет сельских обществ. Поэтому во многих случаях, не имея материальной поддержки, школы духовного ведомства в Сибири в течение 60-х годов «стали постепенно замирать, оставаясь на бумаге и уступая место школам других ведомств» [2. С. 142], например МГИ. Специально не создавалась отдельная профессиональная группа, которая имела бы педагогическое образование. На духовенство епархии возложили дополнительную образовательную функцию, к тому же неоплачиваемую. Находясь в постоянных разъездах

по своим приходам для исполнения треб и озабоченные обеспечением своих семейств, священники не имели времени, а часто и желания заниматься в церковных школах. Для того чтобы облегчить духовенству исполнение образовательной функции, лишь с начала 1866—67 уч. года при духовных семинариях должны были открыться педагогические курсы (ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 22. Л. 319) [1]. Не создавался специальный орган для управления церковными школами. Первоначальный надзор был возложен на институт благочинных, для которых принуждение причтов к открытию училищ и составление отчетов об их состоянии также явилось дополнительной обязанностью. Параллельный контроль с 1847 г. должны были осуществлять чиновники МНП — штатные смотрители уездных училищ. Как правило, не строились отдельные здания для училищ. Не были сразу написаны образовательные программы. Лишь только к 1881 г. появилась программа по Закону Божию (ГАКО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 11. Л. 27) [1]. По итогам обучения не выдавалось специального свидетельства. Продолжительность

учебного процесса ограничивали сами родители. Например, в апрельском 1862 г. рапорте священника С. Тоболкина на имя благочинного священника В. Адрианова говорилось, что уже в апреле «по случаю полевых работ для приготовления земель к посеву хлеба ученики все разобраны своими родителями... Родители крестьянских мальчиков детей своих не будут обучать Покрова Пресвятыя Богородицы, т. е. до 1 октября» (ГАКО. Ф. И-155. Оп. 1. Д. 42. Л. 155) [1].

В отношении выбранного нами объекта в указанный период употреблялись различные названия, в том числе и «церковно-приходская школа». На наш взгляд, корректнее использовать термин «школы при сельских церквях и монастырях». Понятие «церковно-приходская школа» лучше подходит к периоду, начавшемуся после утверждения Александром III в 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах». После этого начнется уже новый этап в развитии церковной школы, получившей на этот раз специальные органы управления и инспектирования, систему подготовки кадров и финансовую поддержку со стороны государства.

Список литературы

1. Об устройстве сельских приходских училищ в казенных селениях // Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. — СПб. : тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1843. — Т. XVII, отд. 1. — 641 с.
2. Толстых, Н. Возникновение церковных школ для крестьян в Тобольской епархии / Н. Толстых // Наука и образование Зауралья. 2003. №1, с. 191—206.
3. Юрцовский, Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири / Н. С. Юрцовский. — Ново-Николаевск : Сибирская советская энциклопедия, 1932. — 321 с.